

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1896 г. В СИБИРИ: ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОСТИ

О. Г. Бузмакова

Общественно-экономическое развитие Сибири в конце XIX в. было невозможно без реформирования системы правосудия. Отсутствие соответствующей судебной защиты в случаях нарушения личных и имущественных прав служило препятствием, сдерживающим заселение края и его экономическое развитие, а также затрудняющим установление порядка и законности в обществе. Сибирь являлась одним из последних регионов, на которые было распространено действие судебных уставов 1864 г. 13 мая 1896 г. все документы, относящиеся к судебной реформе в Сибири, были подписаны императором.

Исследователи судебной реформы в Сибири в той или иной степени затронули вопрос оценки судебной реформы общественностью в конце XIX в. В работе А. В. Даниленко [1987] дана оценка правительственной политики при проведении буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. демократической общественностью Сибири. Е. А. Крестьянников [2002] привел мнения, высказанные на страницах либеральных изданий, в отношении некоторых положений реформы — устройства мировой юстиции и отсутствия суда присяжных. Д. А. Глазунов остановился на вопросе отношения сибирского общества к организации мировой юстиции [2003]. Цель настоящей работы — привести оценки основных положений судебной реформы 1896 г. российской общественностью во время ее подготовки. Подготовка реформы охватывает период с начала деятельности комиссии по разработке основных документов, которыми вводились судебные уставы в Сибири в конце XIX в., и до введения новых судебных учреждений в Сибири 2 июля 1897 г.

Основными источниками послужили статьи и заметки, опубликованные в журналах «Журнал Министерства юстиции», «Русское богатство», «Новое слово», «Русская мысль» и «Вестник Европы» и газетах «Судебная газета», «Юридическая газета», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Новое время», «Киевлянин», «Одесские новости».

Комиссии для разработки предположений по улучшению судебной части в Сибири под председательством товарища министра юстиции П. М. Бутовского потребовалось менее года для того, чтобы подготовить текст Временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири [Собр. узак. 1896. № 61. Ст. 332]. При составлении проекта Временных правил комиссия имела в виду предполагаемые изменения в судебных уставах, разработанные комиссией Н. В. Муравьева в 1894–1899 гг.

Обсуждение законопроекта о введении судебных уставов в Сибири происходило на особом совещании комиссии П. М. Бутовского и в департаментах Государственного совета в 1895–1896 гг. В основном проект судебной реформы для Сибири был подготовлен по образцу Архангельской губернии. Однако отдельные положения законопроекта вызвали вопросы, которые активно обсуждались на всех стадиях его разработки и прохождения и вызвали реакцию в обществе.

Комиссия высказалась за проведение судебной реформы в Сибири в полном объеме на основе судебных уставов 1864 г., с учетом особых условий исторического развития края и обстоятельств его экономического развития; предложила расширить пределы власти и подсудности мировых судей и отнести к ведомству последних производство предварительных следствий; возложить обязанности съездов мировых судей на окружные суды; предоставить судебным палатам право рассматривать в порядке кассационного производства дела мировой подсудности; не учреждать обвинительную камеру; ограничить устность в разбирательстве судебных дел; не вводить суд присяжных и суд с сословными представителями.

Деятельность комиссии М. П. Бутовского широко освещалась в прессе [см., напр.: Судебное преобразование..., 1896; Верховский, 1895]. Газеты подчеркивали связь между двумя комиссиями — М. П. Бутовского и Н. В. Муравьева. А. Молчанов, описывая работу первой комиссии, подчеркивал, что Сибирь в деле суда готовится превратиться в пример и образец для Европейской России и что в Сибири будут испробованы некоторые новые принципы новых уставов раньше, чем в Европейской России [Молчанов, 1895. С. 2]. «Московские ведомости» писали, что Сибирь получит судебную организацию даже более совершенную, чем та, которая существует в областях коренной России [Преобразование сибирских судов, 1896. С. 2]. «Юридическая газета» отмечала: «Труды настоящей комиссии существенно отличаются от работы большинства бывших комиссий по преобразованию суда на наших окраинах — отличаются отсутствием рутины, повинуюсь которой бывшие комиссии стремились реформировать наши окраины постепенно, путем переходных учреждений, дабы не разрушать сразу установившийся и “освященный” временем порядок. Опыт показал всю несостоятельность такой не оправдываемой ни местными, ни государственными соображениями политики. Настоящая комиссия, надо отдать ей должное, приступила к делу прямо, не задаваясь исправлениями обветшалых форм суда и не навязывая формы, признанные негодными в других частях империи...» [Преобразование сибирских судов, 1895б. С. 1].

«Киевлянин», указывая причины изъятий и оценивая их, отметил, что разработка Временных правил, их обсуждение в Госсовете и то, что на нем должны отразиться изменения в уставах,— все это делает закон

интересным, придает ему значение более общее и дает основание к выводам, касающимся суда не только данной местности, но и всего государства. Оценивая основные положения закона, «Киевлянин» писал, что для этого края проводимая реформа, несмотря на все ограничения, будет великим благом и вместе с тем она составляет крупное событие для всего государства, так как Сибирь является частью общего Отечества [1896. № 166. С. 1–2].

Л. Х. Сабинин, чтобы определить место нового закона в истории судебного законодательства Сибири, сравнил его с применяемым в то время законом 25 февраля 1885 г. и судебными уставами 1864 г.: «Закон 13 мая 1896 г. существенно улучшил судоустройство Сибири тем, что, укрепив заложенные в нем 25 февраля 1885 г. новые начала юстиции, он вместе с тем почти изъясил элементы старого порядка...» — и далее отметил, что достоинство нового закона состоит прежде всего в том, что он ограничил сферу участия администрации в судебных делах. Разница между этими двумя законами заключается в том, что «...в новом законе преобладали новые начала, так что в этом смысле он есть решительный шаг к коренному преобразованию суда Сибири, который есть следовательно дело будущего» [Сабинин, 1896. С. 4.].

«Русские ведомости» в 1896 г., после официального опубликования закона, в передовой статье признали распространение действия судебных уставов Александра II на Сибирь самой крупной законодательной мерой последнего времени для этого края [1896. 29 мая. С. 1]. «Судебная газета» в обзоре законодательной деятельности за 1896 г. назвала судебные преобразования в Сибири вторым выдающимся событием в законодательной деятельности после коронации императора Николая II [Обзор..., 1897]. Оценивая неудовлетворительно состояние дореформенного правосудия, пресса отметила и заслуги Министерства юстиции и министра, в частности, «Юридическая газета» писала, что такое состояние сибирского правосудия можно объяснить тем, что у достаточно быстро развивающейся метрополии не оставалось сил и средств для преобразований в отдельных колониях, и «...тем ярче выступает заслуга Министерства юстиции, которое выдвинуло судебную реформу в Сибири на первый план, разработало и добилось ее осуществления, несмотря на лежащий на министерстве обширный труд подготовки преобразований всей судебной части в империи» [Преобразование суда..., 1896. № 38. С. 1].

Наряду с положительными оценками судебной реформы в Сибири в прессе высказывались и критические замечания. По мнению Н. Ф. Анненского, этот закон «...совсем не носит на себе следов какой-нибудь большой подготовительной работы. Временные правила, если можно так выразиться, набросаны очень крупными штрихами, вырисовки деталей, применительно к разнообразию местных условий разных частей такого громадного края, как Сибирь, мы в них совсем не находим. В таком виде, как они изданы теперь, Временные правила могли бы без затруднения появиться за много лет ранее» [Анненский, 1896. С. 167].

Однако, несмотря на критику отдельных положений, в периодической печати было признано, что введение судебных уставов в новых районах и в таком виде (с изъятиями) «представляется благодетельным шагом и оставляет надежду, что в ближайшем времени эти изъятия отпадут» [Киевлянин. 1896. № 166. С. 2; см., также: Русские ведомости. 1896. 29 мая. С. 1].

Таким образом, общественность с энтузиазмом восприняла разработку и принятие закона о введении судебных уставов в Сибири, высоко оценив сам факт проведения реформы, скорость разработки основных документов. Газеты и журналы, изложив на своих страницах основные положения реформы, не обошли вниманием отступления от уставов, по отношению к которым были критичны и выразили сожаление, но вместе с тем и надежду — на то, что впоследствии им не будет места в Сибири.

Наиболее обсуждаемым был вопрос об устройстве суда по незначительным делам. Единоличный суд в России существовал в это время в двух видах: мировой судья и земский начальник.

Идея учреждения института земских начальников в Сибири не нашла поддержки у министра юстиции Н. В. Муравьева. Министр противопоставил оппонентам два основных аргумента: отсутствие помещичьего землевладения, а значит, попадание судебной власти под опеку местных чиновников, которые не с лучшей стороны зарекомендовали себя в должностях окружных исправников и земских заседателей, и экономию денежных средств. Н. В. Муравьев выступал сторонником не столько специализации, сколько профессионализма, поэтому считал, что «...для Сибири поручение всех вообще судебных дел суду, а не администрации имеет особое принципиальное значение» [Муравьев, 1900. Т. 2. С. 394]. Стремясь удешевить судопроизводство, Н. В. Муравьев предложил вариант соединения судебных и следственных функций. Эта идея предлагалась им для всей империи в комиссии по пересмотру судебных уставов [Учреждение..., 1900.] и вызвала наибольшие споры. Формально юридически создавался институт участковых судей-следователей, названный мировым, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное населению название [Муравьев, 1900. Т. 2.

С. 399]. Таким образом, для Сибири изначально проектировался особый институт для рассмотрения малозначительных дел с расширением компетенции за счет следственных функций.

Обсуждение проблемы совмещения функций судьи и следователя в комиссии Н. В. Муравьева перешло на страницы прессы. Практически все периодические издания выразили свое отношение к новому институту. Введение его в Сибири давало возможность обсудить не только абстрактные конструкции, предполагаемые названной комиссией, но и их конкретную реализацию, выраженную в Сибирском положении. По отношению представителей общественности к устройству мировой юстиции их можно условно разделить на группы.

Первая группа — лица, выразившие удовлетворение, что в Сибири учреждается хоть какая-то юстиция, близкая к населению и поэтому оправдывающая все изъятия. Например, «Санкт-Петербургские ведомости»

подчеркивали, что таким образом компетенция мировых судей захватит имущественные интересы громадного круга лиц, которые вздохнут наконец свободной грудью, найдя суд «скорый» [1896. № 141. С. 2].

Сочувственно к введению мировых учреждений и расширению круга их ведомства отнесся Е. Васьковский, хотя применительно к существующему в Европейской России порядку это было, по его мнению, совсем нежелательно [Васьковский, 1897. С. 1]. Автор из «Судебной газеты», подписавшийся И. К. С., считал такое совмещение удобным [Кое-что о судебных уставах..., 1896. С. 3]. Та же газета спустя год отмечала, что учреждение в Сибири института мировых судей является таким громадным шагом вперед, что с некоторыми неудобствами можно пока и мириться, а увеличение подсудности оценено автором публикации положительно — как мера крайне рациональная [Судебная реформа..., 1897д. С. 3]. «Журнал Министерства юстиции» по поводу отсутствия выборного института мировых судей в связи с отсутствием в крае земских органов писал: «Существуют ли такие учреждения в Сибири, существует ли там земское представительство, или хотя бы дворянское? или же предпочтительнее было бы отсрочить судебное преобразование в Сибири до введения там земства!» [По поводу судебной реформы..., 1896. С. 240]. «Новое время» оправдывало все изъятия, считая, что одинокие голоса, раздававшиеся в печати против предстоящих преобразований суда в Сибири, не найдут нигде сочувственного отклика [1896. 22 сент. С. 1]. Таким образом, некоторые издания, зачастую не вдаваясь в оценку положительных и отрицательных сторон деятельности нового института, признавали такое устройство как свершившийся факт.

Представители другой группы отмечали, что правительству предстояло выбрать один из существующих вариантов местной организации или изобрести совершенно новую систему, т. е. выбрать «наименьшее зло». Хотя, казалось бы, удобнее всего остановиться на одном из учреждений, применяемых в других местностях. Поскольку выбор был между земским начальником и иным учреждением, то министерство остановилось на особом институте судей-следователей [Судебная реформа..., 1896б. С. 3]. «Русские ведомости» признали устройство нижней судебной власти весьма оригинальным: «...как бы в вознаграждение за долгие ожидания судьба дает Сибири судебные учреждения, которым чужды недостатки новых судебно-административных учреждений 1889 г. и не колеблют коренного основания разумного судоустройства — принцип отделения судебной власти от административной» [1896. 29 мая. С. 1]. Также они видели положительный момент в том, что переселенцы в Сибири по мелким делам найдут «больше ограждений на суде», чем у себя на родине, так как дела будут разбираться мировыми судьями, а не земскими начальниками [Судебная реформа..., 1897. С. 3].

Высказываясь по поводу позиции министра юстиции, «Киевлянин» коснулся его довода против института земских начальников — отсутствия дворянства в крае. Автор статьи пишет, что «...ведь не помешало это же обстоятельство ввести институт земских начальников в некоторых губерниях совершенно сходных в этом отношении с Сибирью» [1896. № 172. С. 1]. В общем, указывает автор, в законе о судебной реформе в Сибири заключается некоторое косвенное подтверждение слухов о неудобстве предоставления судебных функций административным чиновникам, которые по преимуществу являются земскими начальниками [Там же]. Таким образом, представители этого направления мысли отдавали предпочтение судьям-следователям перед земскими начальниками, тем самым выражая согласие с правительственными взглядами.

Третья группа, напротив, стояла на антиправительственных позициях, выражая свое негодование по поводу неучреждения института земских начальников. «Московские ведомости» признали: «...несомненно, что соединение обязанностей судебного следователя и судьи представляет наиболее удобств именно в таких местностях, как Сибирь, но можно пожалеть, что наряду с судебной реформой в Сибири не введен институт земских начальников» [Судебное преобразование..., 1896. С. 2]. В другом номере этой газеты высказывалось сожаление о том, что из-за отказа от введения института земских начальников подавляющее большинство судебных дел — сельских и инородческих — останется вне влияния сибирского суда, так же как и вся сфера сельского управления, и поэтому сибирские преобразования нельзя считать законченными [Преобразование..., 1896. С. 3]. Автор другой статьи этой же газеты доводы министра юстиции в Государственном совете по поводу земских начальников считал неубедительными [О местной юстиции..., 1896. С. 2]. При этом, по мнению «Московских ведомостей», совмещение функций судьи и следователя — мысль прекрасная в теории, но едва ли осуществимая на практике [Судебная реформа..., 1897. С. 2].

Следующая группа — «сожалеющие» о совмещении в мировом институте функций судьи и следователя. Представители этой группы объясняли свою позицию следующим образом. Мировой суд является идеальным судом по своей быстроте и доступности для населения, но мировые судьи могут исполнять свои функции только в том случае, если обязанности судьи и следователя не соединены в одном лице, поскольку это обстоятельство способно привести к раздроблению деятельности [Восточное обозрение. 1896. 12 мая. С. 1]. Как отступление от основных принципов судебных уставов оценивали отсутствие выборного института и другие издания [См., напр.: Судебная реформа..., 1897а. С. 177].

Последняя группа — «идеалисты», признающие мировой институт исключительно в «чистом» виде, т. е. таким, как он представлен в судебных уставах 1864 г., без изменений. А. Ф. Анненский считал отсутствие выборного мирового института одним из главных отступлений от основных начал судебных уставов, а именно видел в этом полное устранение общественного элемента в отправлении правосудия [Анненский, 1896. С. 168]. Признавал возможным мировой институт по выбору в Сибири в связи с ростом городского населения автор из «Русской мысли» [Правила о применении..., 1896. С. 174].

В целом обсуждение в прессе вопроса об устройстве мирового института при проведении реформы в Сибири отражало различие позиций как административных и судебных чиновников Сибири, так и

представителей правительства.

Распространение судебной реформы предполагалось на всей территории Сибири, в том числе в малонаселенных и труднодоступных местностях, но в них на иных основаниях. В местностях с преобладающим нерусским населением предполагалось судебные функции мировой подсудности и следственные функции возложить на органы полиции.

В «Журнале Министерства юстиции» отметили, что данное положение ставится в самый горький упрек Временным правилам, и уточнили, что эти местности населены инородцами, у которых существует обычное право [По поводу..., 1896. С. 241]. Возложение судебных функций на полицию было положительно оценено «Судебной газетой», которая высказала предположение, что это крайняя степень уступки Министерства юстиции нуждам местных условий самых отдаленных окраин [Кое-что о судебных уставах..., 1896. С. 3].

Ввиду особой отдаленности Сибири от столицы и облегчения уголовного кассационного департамента по примеру Закавказья кассационная инстанция для дел мировой подсудности устанавливалась в судебной палате, а в случае отмены приговоров дела должны были передаваться для нового рассмотрения не разрешавшему его судье, а ему или другому по усмотрению окружного суда, как это применялось для земских начальников и городских судей.

В Государственном совете министр юстиции Н. В. Муравьев объяснял, что учреждение кассационной инстанции в судебной палате необходимо для ускорения в Сибири течения судебных дел и облегчения населению возможности участвовать в судопроизводстве. Судебная практика Тифлисской судебной палаты показала вполне успешную деятельность палаты в качестве кассационной инстанции [ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 16. Л. 177, 178].

Этот вопрос был одним из обсуждаемых в комиссии под председательством Н. В. Муравьева. Он вызвал дискуссию в специальной литературе, и следует отметить, что у этого положения, нарушающего принцип единства кассационного суда, в то время было больше противников, чем сторонников. Относительно Сибири данный вопрос на страницах не специальных печатных изданий бурно не обсуждался. Во время рассмотрения проектов в комиссии П. М. Бутовского «Судебная газета» писала, что трудно объяснить, почему сделано такое изъятие, ведущее к нарушению единства кассации суда, хотя это отвергли для Архангельской губернии, которая входит в Московскую судебную палату, а компетенция ее судей выше предполагаемой Иркутской палаты. Автор публикации считал, что вряд ли Иркутская судебная палата справится с ролью кассационной инстанции, поскольку на первых порах она будет состоять из менее опытных судей, да и число их незначительно, а между тем дел на кассацию будет поступать много и вопросы, по ним возникающие, будут отнюдь не менее, если не более сложные, чем в других «старых судебных округах». Что же касается примера, приведенного министром юстиции, то автор не согласился с мнением последнего, заметив, что не доказано, что пример этот достоин подражания [Кое-что о судебных уставах..., 1896. С. 5]. Спустя год та же «Судебная газета» поддержала министра юстиции, признав учреждение кассационной инстанции в судебной палате [Судебная реформа..., 1897д. С. 4].

С целью облегчения участия в судебном деле лиц, живущих на значительном расстоянии от места заседания суда (далее 200 верст), были приняты такие меры, как отмена личной явки находящихся на свободе подсудимых по делам о преступных деяниях, не влекущих за собой наказания в виде лишения прав состояния, при условии обязательной явки к судебному разбирательству частного обвинителя и гражданского истца; извещение по действительному месту пребывания тяжущихся, в случаях их о том просьбы, о времени слушания дела и направление им по месту пребывания копии состязательных бумаг, поданных противной стороной, прошений третьих лиц, решения или определения, а равно исполнительного листа.

Предоставление подобных льгот упомянутым лицам, по мнению министра юстиции, должно было устранить те затруднения, которые неминуемо возникли бы на практике в случае применения требований уставов судопроизводства, выполнение которых ввиду особых сибирских условий могло бы препятствовать безостановочному и правильному отправлению правосудия, а для населения представлялось бы столь тяжким бременем, что в значительной степени умалило бы преимущества нового суда [ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 16. Л. 178].

Интересную реакцию вызвало это положение в обществе. «Журнал Министерства юстиции», заступаясь за решение комиссии, писал: «Можно подумать и в самом деле, что предстоящее преобразование суда в Сибири восстанавливает прежнее дореформенное судопроизводство. Дело сводится к тому, что сторонам, живущим далее 200 верст от местонахождения суда, предоставляется, а вовсе не вменяется в обязанность просить суд об извещении их о времени разбирательства дела, при этом решение, принятое при таких условиях, не считается заочным» [По поводу судебной реформы..., 1896. С. 240]. «Новое время» по этому поводу восклицало: «Да за такое расширение письменности были бы благодарны и жители Европейской России!» [1896. 22 сентября. С. 1] «Судебная газета» отметила, что если бы не это ограничение устности ради «облегчения населения от совершения отдаленных и дорого стоящих поездок», то все осталось бы по-прежнему [Судебная реформа..., 1897д. С. 4]. Однако Л. Х. Сабинин выразил опасение и предположил, что вследствие предоставления такого права будут часты случаи, когда почти все судебное производство будет состоять в мертвом, мало говорящем уму и сердцу судей чтении письменных показаний не явившихся в суд свидетелей и других формальных актов, и суд неизбежно будет страдать формализмом [Сабинин, 1896. С. 5].

Наиболее серьезным отступлением от принципов осуществления правосудия, установленных судебными уставами, стал отказ от введения в Сибири суда с участием присяжных заседателей.

Министр юстиции объяснял отсутствие в проекте Временных правил института присяжных заседателей значительным влиянием ссылки на состав населения и на его воззрения относительно значения и важности некоторых преступлений, а также недостаточным количеством лиц, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям, затруднениями для населения при больших расстояниях нести обязанности присяжных. Одновременно комиссия отказалась и от судебных палат с участием сословных представителей [Работы..., 1897. С. 27; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 128]. Все это привело правительство к мысли о неизбежности до времени отказаться от предположения о применении суда присяжных в Сибири [Муравьев, 1900. Т. 2. С. 389].

Оценивая доводы министра юстиции, департаменты Государственного совета согласились с ними, отметив при этом, что развитие Сибири в последние годы идет быстрыми шагами и поэтому, может быть, в недалеком будущем наступит пора, когда представится возможным устроить суд присяжных хотя бы в западных ее губерниях [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 203].

«Юридическая газета», описывая работу комиссии П. М. Бутовского, не исключала введения в Сибири суда присяжных там, где это окажется возможным [Преобразование сибирских судов, 1895а. С. 1]. Однако когда стало известно, что во Временных правилах этому институту нет места, большинство изданий выступили с резкой критикой такого отступления.

Среди тех, кто оправдывал действия правительства, были «Московские ведомости», которые писали, что наряду с установлением устного, публичного и состязательного суда Сибирь будет избавлена «...от опытов применения на своей почве суда присяжных» [Введение судебной реформы..., 1897. С. 2]. Будучи против самого института, Н. Николаевский на страницах «Ведомостей», оценивая, насколько такая форма суда применима в Сибири, рассматривает возможность введения суда присяжных в Сибири через призму существующих религиозных, социальных, политических, экономических, племенных противоречий между различными категориями населения. В этих условиях, по его мнению, суд общественных представителей не гарантирует ничьих интересов и решения его часто могут носить далеко не беспристрастный характер. В качестве аргумента он приводит тот факт, что еще в 60-е гг. было признано, что инородцы являются плохими судьями в делах о преступлениях своих единоверцев против христиан. Тогда было рекомендовано ограничить их участие в делах подобного рода. Интересно отношение сибиряков к ссыльным: к ним относятся снисходительно за преступления, совершенные по ту сторону Урала, и беспощадны к ним, если преступления совершены в Сибири. Но в Сибири ссыльное население со временем становится крестьянами, а их хотят лишить суда присяжных. Антагонизм существует между старожилами и крестьянами-переселенцами, и в этом случае о каком беспристрастии в суде может идти речь. Автор указывает: «...на языке трезвых политиков этот суд в применении к Сибири может быть назван только элементом явной несправедливости междоусобной вражды и извращения правильных юридических взглядов сибирского населения» [Судебная реформа. 1897в. 19 сентября. С. 2].

В ответ на статью Н. Николаевского известный юрист и исследователь судебной реформы 1864 г. Г. А. Джаншиев опубликовал свои статьи в «Русских ведомостях» [Возможен ли в России..., 1897. С. 3] и «Судебной газете» [По поводу суда присяжных..., 1897. С. 1]. В частности, он отмечал, что сибирская печать ждет не дождется суда совести и суждениям «Московских ведомостей» не придает значения, потому что убеждена в огромной пользе суда присяжных. По его словам, ненависть к конокрадам вряд ли может служить поводом для отсутствия суда присяжных, так как конокрады есть и в Европейской России. Не может, по его мысли, служить препятствием для введения суда присяжных и антагонизм между пришлым и туземным населением. Вполне успешное действие суда присяжных в юго-западных губерниях с его христианским и нехристианским населением служит тому доказательством. Суд присяжных предполагается ввести не в тундре, а в более культурных частях, которые не имеют никакого существенного отличия от прилегающих к ним местностей Европейской России.

Не признавали аргументы правительства истинными причинами и другие печатные органы. Автор статьи под псевдонимом О. Б. А. в «Русском богатстве», обрушившись с критикой на официальные разъяснения по поводу отступлений от судебных уставов, отмечает, что из указания на малонаселенность края и большие расстояния вытекает лишь один довод, заслуживающий внимания, о том, что не хватит людей, удовлетворяющих цензу, установленному Учреждением судебных установлений, и повинность эта будет слишком тяжела для населения. Но даже эта проблема, по мнению автора статьи, разрешима: «...составление списков присяжных крайне неудовлетворительно и во внутренней России и по официальному признанию требует улучшения. В Сибири же можно без особого труда достигнуть желательных в этом отношении результатов, если общие списки, лиц, могущих быть присяжными, будут составляться путем личного вопроса. При содействии мировых судей и податных инспекторов, а не через земских заседателей и волостные правления» [Судебная реформа..., 1897а. С. 176]. Автор считал, что суд хоть и гласный, устный и состязательный, но без участия общественного элемента не разорвал в глазах Сибири связи со старым судом [Там же. С. 177].

Не находили серьезных препятствий к введению суда присяжных и представители общественности в самой Сибири. Характеризуя доводы правительства как причины первого и второго рода, «Восточное обозрение» считало, что политические причины могли иметь влияние на отправление правосудия только в вопросах чисто политических, а не обыкновенного бытового свойства. А значение причин второго рода — редкости населения, дальности расстояний и трудность сообщений — слишком преувеличено [1895. 31 мая. С. 1].

Кроме того, многие издания отмечали, что отсутствие этого института обременит сибирские окружные суды. «Киевлянин» по этому поводу писал, что многие органы печати отвергают доводы Министерства юстиции не без основания: «...мы полагаем, что без такой формы суда сибирские окружные суды с апелляционной палатой будут очень обременены занятиями, а это составит одно из неблагоприятных, хотя бы в смысле чисто технического, условий их деятельности» [Введение судебных уставов..., 1896. С. 1]. Н. Ф. Анненский отмечал, что одно из отступлений от основных начал судебных уставов 1864 г. заключалось в полном устранении общественного элемента от участия в отправлении правосудия. Указывал, что отсутствие этого института влечет ряд неудобств, связанных с тем, что приезжим коронным судьям будет трудно разобраться в условиях местной жизни, так как образ жизни местного населения слишком специфичен. Кроме того, отсутствие суда присяжных не позволяет рассматривать уголовные дела в одной инстанции, а поскольку учреждается одна палата в Иркутске, решение уголовных дел потребует много времени. Нельзя, по мнению автора, отнести к причинам невведения суда присяжных и то, что в Сибири редкое и малокультурное население «...со слабо развитым чувством законности и мало выработанными общественными навыками населения, значительную долю которого составляют ссыльные и инородцы» [Аненский, 1896. С. 168]. Автор замечает: «...но если все эти и тому подобные соображения и справедливые по отношению к известным частям Сибири, то можно ли распространять их на весь край?» [Там же. С. 169].

Большинство изданий выражали не только сожаление по поводу отсутствия этого института, но и надежду на скорое введение суда присяжных хотя бы в западной части Сибири. Некоторые издания еще в 1896 г. писали, что было бы целесообразно распространить суд присяжных хотя бы на западную ее часть. При этом «Русские ведомости» замечали, что даже и в менее культурных частях Сибири едва ли могут встретиться неодолимые препятствия для образования суда присяжных [1896. 29 мая].

«Юридическая газета» спустя год отмечала, что указанные министром юстиции бытовые препятствия к введению суда присяжных в Сибири не могут не быть более или менее «гадательными» вследствие отсутствия каких-либо определенных и точных данных относительно тех условий, которые должны быть приняты в расчет при разрешении настоящего вопроса. Далее газета указывала, что первая всенародная перепись более чем оправдала высказанные в Государственном совете соображения и обнаружила, что те условия, наступление которых предполагали в недалеком будущем, существуют уже теперь и кладут предел временной отсрочке в завершении судебной реформы. Так, по данным переписи 1897 г., в Томской губернии живет почти 1/3 всего населения Сибири, но и в Енисейской губернии, которая уступает Томской и в отношении населения, и культурном отношении, достаточное число лиц удовлетворяет установленному законом цензу для присяжных заседателей. В том, что этим людям можно доверять, речительством служит характер сибиряков, в которых общие великороссийские черты трезвости, вдумчивости и искания правды не только не стерлись, но получили еще более выпуклое выражение: «...введение суда присяжных в Европейской России, только что освобожденной от крепостного права, было в свое время смелым шагом, почти прыжком в неизвестность, введение этого суда в Сибири, после свыше 35-летнего опыта его применения в России, будет зрелым начинанием, для которого вполне подготовлена почва и испытаны условия, обещающие ему успешное существование» [Суд присяжных..., 1897].

Н. А. Громов отмечал, что Томская губерния, несомненно, находится в особо благоприятных условиях для введения этой «настоятельной и благотворной реформы». Автор пишет, что, по расчету газеты «Сибирь», жителей, удовлетворяющих установленному законом цензу для присяжных заседателей, имеется даже в Енисейской губернии значительно более, чем требуется по закону для составления списков, а Томская губерния, как известно, во много раз культурней и населенней губернии Енисейской. Относительно ссыльных Н. А. Громов отметил, что сами они в списки присяжных заседателей, несомненно, не войдут, а полагать, что их потомки будут всегда питать как бы инстинктивное сочувствие к правонарушителям и их виновникам, нет никаких оснований [Громов, 1897. С. 143].

Считая, что введение суда присяжных в Сибири — дело недалекого времени, «Судебная газета» предположила, что он не будет введен там в форме соединенной коллегии, как это намечено комиссией Н. В. Муравьева для окраин вообще, потому что в этом отношении для Сибири нельзя привести никаких «политических соображений» [Судебная реформа..., 1897д. С. 3].

Вскоре от критики общественность перешла к первым предположениям об «истинных» причинах невведения этого демократического института в Сибири. Г. А. Джаншиев писал, что «...препятствием к введению суда присяжных в Сибири служат не “местные условия”, а главным образом та реакция против этого института, которая стала замечаться в конце 70-х годов, иначе чем же объяснить, что суд присяжных действует прекрасно с 1870 г. в Вятской и Пермской губерниях и не вводится до сих пор в соседней Оренбургской, где судебные уставы были введены 20 лет спустя» [Возможен ли в Сибири..., 1897. С. 3]. Такое же мнение высказал и автор из «Русского богатства»: «...введение в Сибири суда присяжных несравненно в большей степени зависит от положения этого института в России и отношения к нему руководящих сфер, чем от местных особенностей и своеобразных условий Сибири, значение которых вообще чрезвычайно преувеличивается» [Судебная реформа..., 1897а. С. 183].

Но были и те, кто связал отсутствие суда присяжных в Сибири с неопределенностью перспектив самого института. По мнению Н. А. Громова, введение суда присяжных задерживалось в значительной мере тем, что основной вопрос о суде присяжных к 13 мая 1896 г. не был окончательно разрешен и взвешен в комиссии Н. В. Муравьева [Громов, 1897. С. 141]. Об этом же писали и «Русские ведомости», освещая открытие судебных учреждений Сибири [Судебная реформа..., 1897г]. Некоторое время спустя на это обстоятельство

указал и С. П. Мокринский [1914. Т. 2. С. 158].

Одним из важных отступлений от начал судебной реформы 1864 г., которое предполагалось при подготовке Временных правил, было ограничение принципа несменяемости судей.

Однако Госсовет считал самостоятельность судей гарантией беспристрастного отправления правосудия и вместе с тем одним из главных условий правильного судоустройства. Изъятие было допущено в Закавказье и Польше по политическим мотивам. В отношении прочих частей империи члены Государственного совета считали, что нет необходимости изменять принцип несменяемости судей, поэтому изменять его в отношении Сибири департаменты не находят оснований. По мнению соединенного присутствия, испрашиваемые министром юстиции особые полномочия по перемещению и увольнению чинов судебных коллегий по причине собственных трудностей при осуществлении надзора за деятельностью судей в Сибири не должны иметь решающего значения. Напротив, видеть судей в положении независимом не только желательно, но и необходимо именно в Сибири, где «вследствие издавна укоренившихся привычек имеют место сторонние влияния в самых широких размерах». В итоге департаменты признали необходимым устранить из проекта правила, допускающие изъятия из статьи 243 Учреждения судебных установлений [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 202–203].

Общественность приветствовала позицию Государственного совета. Однако зависимость мировых судей от министра юстиции вызвала критику, хотя подчас авторы очерков и статей не вдавались в подробности, о несменяемости каких именно судей идет речь, зачастую говорили о судьях вообще. Так, во внутреннем обозрении в журнале «Русская мысль» указывалось, что «...полная зависимость судей от министра юстиции и при назначении, и при перемещении или увольнении является очень неблагоприятною особенностью этих правил» [Правила о применении..., 1896. С. 174]. «Русское богатство» подчеркивало, что главным отступлением от общероссийских правил, наряду с тем является то, что судьи не пользуются правом несменяемости. Это в Сибири судьям необходимо, чтобы не зависеть от местной администрации [Судебная реформа..., 1897а. № 7. С. 177]. Газета «Киевлянин» решению этого вопроса придала всероссийское значение: «Можно сказать теперь, после утверждения закона о судебной реформе в Сибири, что открытый вопрос о будущем определении несменяемости судей при предстоящем общем преобразовании судов всей империи может считаться предрешенным окончательно в пользу этого начала» [1896. № 172. С. 1].

Хотя Временные правила прямо не затрагивали порядок отправления правосудия инородцев и ссыльнопоселенцев, этот вопрос не остался без внимания со стороны периодической печати. «Санкт-Петербургские ведомости» отметили, что обновленный судебный строй благотворно повлияет на жизнь ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев, так как были отменены положения Устава о ссыльных, которыми устанавливалась особая внесудебная юрисдикция. Кроме того, газета отметила ту осторожность, с которой реформа в Сибири относится к инородцам [Введение судебных уставов..., 1896. С. 2].

Таким образом, отступлений от судебных уставов коснулись в той или иной степени практически все периодические издания. Одни ограничились лишь пересказом основных положений реформы, отметив ограничения. Другие подвергли анализу и оценке указываемые правительством отступления, не дожидаясь их реализации. Особенно много внимания было уделено устройству мирового института, отсутствию суда присяжных, ограничению устности, обсуждалось и предполагаемое ограничение независимости судей, а также устройство апелляционной и кассационной инстанций.

Литература

- Анненский Н. Ф.* Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 165–179.
- Биншток В.* К вопросу о судебной реформе в Сибири // Новое слово. 1896. № 8. С. 88–110.
- Васьковский Е.* Из области права (Юридические беседы) // Одесские новости. 1897. 23 авг.
- Введение судебной реформы в Сибири* // Московские ведомости. 1897. 30 июля.
- Введение судебных уставов в Сибири* // Киевлянин. 1896. № 172.
- Верховский К.* Преобразование судебного дела в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 146–150.
- Возможен ли в Сибири суд присяжных* // Русские ведомости. 1897. 26 сент.
- Восточное обозрение.* 1895. 31 мая; 1896. 12 мая, 26 мая, 31 мая, 5 июля.
- Глазунов Д. А.* Проведение судебной реформы 1896 г. на территории Западной Сибири (по материалам Томской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 24 с.
- Громов Н. А.* О возможности введения суда присяжных в Томской губернии // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10. С. 141–147.
- Даниленко А. В.* Правительственная политика при проведении буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. в Сибири и ее оценка демократической общественностью края // Политика царизма в Сибири в XIX–начале XX в.: Сб. ст. / Отв. ред. А. П. Косых. Иркутск, 1987. С. 80–102.
- Киевлянин.* 1896. № 166.
- Кое-что о судебных уставах на Сибирской окраине* // Судебная газета. 1896. 13 окт.
- Крестьянников Е. А.* Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 27 с.
- Мокринский С.* Суд присяжных // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг.: Сенат. тип., 1914. Т. 1. С. 115–159.
- Молчанов А.* Судебная реформа в Сибири // Новое время. 1895. 11 нояб.
- Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Т. 2: Речи и сообщения. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 587 с.

- Новое время*. 1896. 22 сент.
- О местной юстиции в Сибири* // Московские ведомости. 1896. 2 июня.
- Обзор законодательной деятельности за 1896 г.* // Судебная газета. 1897. № 1. С. 2.
- По поводу суда присяжных в Сибири* (мнение Г. Джаншиева) // Судебная газета. 1897. 5 окт.
- По поводу судебной реформы в Сибири* // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 9. С. 238–241.
- Правила о применении судебных уставов в Сибири* // Русская мысль. 1896. № 6. С. 173–174.
- Преобразование сибирских судов* // Московские ведомости. 1896. 31 мая.
- Преобразование сибирских судов* // Юридическая газета. 1895а. № 17. С. 1.
- Преобразование сибирских судов* // Юридическая газета. 1895б. № 50. С. 1.
- Преобразование суда в Сибири* // Юридическая газета. 1896. № 38.
- Работы по улучшению судебной части в 1894–1896 гг.* СПб.: Тип. Пр. Сената, 1897. 39 с.
- Реформа в Сибири* // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 145–160.
- Русские ведомости*. 1896. 29 мая.
- Сабинин Л. Х.* Закон 13 мая 1896 г. о преобразовании судебной части в Сибири // Судебная газета. 1896. 8 сент.
- Санкт-Петербургские ведомости*. 1896. № 141.
- Суд присяжных на окраинах* // Юридическая газета. 1897. 25 дек.
- Судебная реформа в Сибири* // Юридическая газета. 1896б. № 42.
- Судебная реформа в Сибири* (Хроника внутренней жизни. О. Б. А.) // Русское богатство. 1897а. № 7. С. 176–183.
- Судебная реформа в Сибири* // Вестник Европы. 1896а. Кн. 7. Т. 4. С. 417–420.
- Судебная реформа в Сибири* // Московские ведомости. 1897б. 16 окт.
- Судебная реформа в Сибири* // Московские ведомости. 1897в. 19 сент.
- Судебная реформа в Сибири* // Русские ведомости. 1897г. 26 июля.
- Судебная реформа в Сибири* // Судебная газета. 1897д. 13 июля.
- Судебное преобразование в Сибири* // Московские ведомости. 1896. 29 апр.
- Учреждение судебных установлений*: Проект новой редакции // Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. СПб.: Сенат. тип., 1900. 220 с.

*Новосибирск,
Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС)*

В настоящей статье приведены оценки основных положений судебной реформы в Сибири 1896 г. российской общественностью во время ее подготовки. Одни периодические издания ограничились лишь пересказом основных положений реформы, отметив ограничения. Другие подвергли анализу и оценке предложенные правительством отступления, не дожидаясь их реализации. Основное внимание было уделено устройству мирового института, отсутствию суда присяжных, ограничению устности.